

Чехов стремится к тому, чтобы эстетическое впечатление естественно вытекало из изображения жизни, а не навязывалось деспотически читателю. Но он тщательно отбирал все детали в соответствии с тем впечатлением, которое хотел произвести. Эти детали представляются Марри «золотыми гальками», которые лежат на дне и образуют невидимое, но прочное русло потока.

Именно с таким принципиально новым — объективным — изображением внутренней жизни связана, по Марри, простота и ясность чеховского психологического рисунка. Марри убежден в превосходстве Чехова-психолога над Джойсом и Прустом. Для него творчество Чехова было уничтожающим ответом на их «беспредельный интеллектуализм».⁵⁴ Чеховская простота совершенно перетеркивала их сложность. «Простота Чехова — очень мудрая и зрелая простота, — пишет Марри. — Он достиг ее ценою глубокого знания и непревзойденной внутренней честности».⁵⁵

У. Джерарди в свою очередь противопоставляет Чехова Генри Джеймсу, основоположнику английского неопсихологизма. Творчество Чехова показало, что тонкие и сложные вещи могут быть выражены легко и прямо. «Чехов умел просто говорить о сложных вещах, — пишет Джерарди, — Генри Джеймс сложно говорил о вещах простых».⁵⁶ Впрочем, и сам Генри Джеймс увидел в творчестве Чехова «замечательное мастерство, чувство меры и художественную экономию, которые делают каждое его произведение столь же прекрасным в целом, как и в отдельной части».⁵⁷

Фрэнк Суинпертон также утверждает, что Чехов раскрывает сокровенные тайны душевных движений человека «такими простыми словами, что нам не верится, как можно передать так много столь малыми средствами».⁵⁸

Совершенно нельзя согласиться с современным американским литературоведом Д. Иваском, который определяет позицию Чехова как антиинтеллектуальную и считает, что этим и объяснялась популярность Чехова в Англии 20-х годов. «Я думаю, — пишет он, — что именно антиинтеллектуализм Чехова привлек к нему усталых и разочарованных британских интеллигентов после первой мировой войны. Д. М. Марри, очень чуткий представитель этого поколения, смотрел на Пруста и Джойса как на „антикварный пережиток“, а в Чехове видел „передового писателя“».⁵⁹

Более правильно подходит к этой проблеме другой американский литературовед Томас Вайнер. Интеллектуализм, по его мнению, вызывал у Чехова скептическое отношение лишь в том случае, когда он уходил от жизни, от людей, когда он становился самоцелью, «ценностью в самом себе».⁶⁰

Чехов ратовал за гармоничную человеческую личность. И именно эта широкая гуманистическая концепция привлекла к нему английских читателей и критиков, которые почувствовали всю ограниченность интеллектуального снобизма таких писателей, как Генри Джеймс, Пруст и Джойс.

Философско-эстетические проблемы, которые пыталась разрешить в 10—20-е годы английская критика в статьях о Чехове, сохранили свою актуальность и в наши дни.

В зарубежном искусствоведении до сих пор ведутся споры о том, можно ли ставить пьесы Чехова в условном «модернизированном» стиле,⁶¹ до сих пор американские литературоведы Струве и Чижевский пытаются связать имя Чехова с формалистическими опытами поздних импрессионистов, до сих пор Ренато Поджоли стремится доказать, что и музыкальность, и символизм служат Чехову для того, чтобы выразить «великую чеховскую тему — тщетность, невозможность связи между людьми».⁶²

В борьбе с подобными толкованиями полезно учесть взгляды английских писателей и критиков на творчество Чехова.

ПИСЬМО Н. АСЕЕВА

(ПУБЛИКАЦИЯ Л. КАЛАЧЕВОЙ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА А. СМОРОДИНА)

В апреле 1943 года, в дни непрестанных боев под Ленинградом, Николай Асеев в ответ на присланные ему стихи прямо на передовую пишет письмо молодому поэту Владимиру Калачеву. Известно, что Асеев приветил многих поэтов, с радостью отзы-

⁵⁴ Times Literature Supplement. L., 1923, 6 Dec., p. 841.

⁵⁵ J. M. Murry. Discoveries. . . L., 1924, p. 90.

⁵⁶ W. Gerhardt. Anton Chehov, p. 132.

⁵⁷ См.: W. H. Bruford. A. Chekhov. L., 1957, p. 39.

⁵⁸ F. Swinnerton. The Cherry Orchard. «Nation», v. 27, 1920, № 16, pp. 498—499.

⁵⁹ Anton Chehov. 1860—1960. Some essays. Ed. by T. Eckman. Leiden, 1960, p. 86

⁶⁰ Там же, стр. 335.

⁶¹ The Chekhov's Centenary. «World Theatre», v. 9, 1960, № 2.

⁶² R. Poggioli. The Phoenix and the Spider. Cambridge, 1957, p. 112.

вался на ранние их стихи и книги. Публикуемое письмо — один из многочисленных «разговоров о поэзии» большого поэта с представителем поэтического поколения, прямо со школьной скамьи шагнувшего на фронт. Оно свидетельствует не только о большой эстетической культуре Асеева, о его благожелательности, умении горячо откликнуться на просьбы товарищей по перу, но прежде всего о глубокой заинтересованности в неустанных новаторских поисках, новизне поэтических решений у его сотоварищей, особенно у молодежи. В письме содержится ряд интересных замечаний (на примерах А. С. Пушкина и В. В. Маяковского) о средствах достижения истинной поэтической выразительности, которые проливают свет на жизненные истоки его будущей книги «Зачем и кому нужна поэзия», в особенности ее раздела «Наша профессия». Полный заботы об обновлении, обогащении и развитии художественной формы в связи с насущными задачами поэзии, Н. Асеев, найдя в стихах В. Калачева «решительность и определенность чувства», здесь, как он пишет, «прочел. . . краткую лекцию о назначении поэзии». И он твердо уверен, что она «будет не бесполезна» для начинающего автора, ибо Асееву импонируют «сердечные движения» адресата и в нем он видит человека, серьезно размышляющего над судьбами родной поэзии — этого «трудного и чудесного искусства» и безграпично влюбленного в Маяковского — ярчайшее воплощение нового типа поэта. Особенно Асеев озабочен тем, чтобы юное поколение поэтов пошло по пути подлинной народности, связанной с традицией, выработанной классической литературой и развитой на новой основе Маяковским, чьи стихи были необходимы сверстникам В. Калачева и на переднем крае, как хлеб насущный. Асеев с надеждой смотрит на новую поэтическую поросль, желая ей «долгой жизни, несущей знаменем имя Маяковского».

Насколько преподаанный урок был дорог молодому поэту, видно из того, что с наступлением жарких схваток с врагом он отослал это письмо своей матери. Сам Владимир Калачев, воспитанник Череповецкого педучилища, спустя два месяца после получения письма от Николая Николаевича Асеева — 25 июля 1943 года — погиб в бою, защищая Ленинград.

28/IV—1943

Тов. Старший Лейтенант!

Нет, критиковать я Вашего стихотворения не буду. Оно хорошо тем, что в нем есть решительность и определенность чувства. Слова в нем не все те, какие бы Вам самому хотелось сказать. Размер держит. Размер подсовывает подходящие для него самого, а не для Вашего сердечного движения. А В. В. Маяковский искал всю свою жизнь слова, которые бы не подчинялись размеру, были носителями именно той выразительности, которую чувствует сердце. Размер нам вбит привычкой в мозги, привычкой к книжной речи, привычкой к ранее читанным и запомненным строчкам. Маяковский ломал эти привычки, чтобы освободить человеческие чувства от столетних напластований, от подложного под впечатления транспаранта готовых отсчитанных слогов. Об этом же думал и Пушкин, когда писал: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию. . .»¹ Вот об этом-то ограниченном, условленном, избранном языке и идет спор, поднятый Маяковским, впервые после Пушкина. При Пушкине словесность наша еще была в сильной зависимости от ранее развившихся западных литератур. Ей много нужно было еще заимствовать, доказывать, что русский язык может освоить все формы и размеры, которые были приняты на западе. Ей нужно было догнать в своем развитии французскую, английскую и другие литературы. Отсюда разработка и применение Пушкиным, Жуковским всех видов и форм, существовавших на западе. Но мечтал-то Пушкин о том времени, когда, — развив и умножив литературные, поэтические виды и роды, — можно будет вернуться к родному русскому стиху. В этом стихе нет точного размера, он неравномерен, не подогнан под равный счет слогов в каждой строчке. Доказательство этому — сказка Пушкина «О поле и работнике его Балде», где строчки разномерны, не выверены по линейке, не повторяют друг друга в равном счете слогов. Об этом-то «странном просторечии» и говорил Пушкин, прислушиваясь к говору народному, к пословицам и поговоркам, к складу и размеру заговоров, прибауток и т. д. Но книжная речь у нас в то время еще только упочалась, и Пушкин говорил об этом дальше: «У нас. . . так называемый язык богов <так> еще. . . но», что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами». ² Вот это понимание поэзии и места и значения поэта до сих пор у нас еще мешаает правильной оценке этого трудного и чудесного искусства. Маяковский — первый — после Пушкина полностью и целиком был заполнен заботой о судьбах и развитии нашего искусства. Поэтому народ, инстинктивно чувствуя в нем огромную нацио-

¹ П у ш к и н, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 73.

(Прим. ред.).

² Там же. (Прим. ред.).

нальную ценность, так и любит его. Поэтому и Вы его любите, и разговор о поэзии обязательно сводится к нему, даже и на переднем крае и в условиях, кажется, для этого мало подходящих. Поэтому и я прочел Вам эту краткую лекцию о назначении поэзии, которая, я уверен, будет для Вас не бесполезна.

Маяковский начинал с того, о чем думал Пушкин. Его молодые строки о маме, которая «на васильковых обоях», о земле, которая, как мать, стареет и теряет волосы лесов, о шумах города и водосточных трубах, звенящих мелодиями дождя, — написаны безразмерным стихом, не укладывающимся в определенный размер:

У меня есть мама
на васильковых обоях,
а я, гуляя, пестрые ромашки,
шагом меряя, мучу.³

Вспомните:

Жил поп
толоконный лоб,
пошел поп по базару
посмотреть себе разного товару.⁴

Вы поймете, что понимание русского языка у них было одинаковое. Пушкин видел в будущем поэта, который обратится к стиху народному. Вот этот поэт и пришел. Но его не сразу признали из-за того же «странного просторечия», от которого отвыкли люди, привыкшие к книжной, искусственной речи. Но его признал и утвердил народ. Поэтому-то его строчки близки и тому товарищу, который читал на переднем краю «Уходите мысли во свояси», как пишете Вы.

Желаю Вам здоровья, счастья и долгой жизни, несущей знаменем имя Маяковского. Его еще нужно отстаивать от недоброжелательства и холоднодушия людей, завидующих и искажающих его облик!

Крепко Вас обнимаю
Ник. Асеев

³ Стихи из цикла «Я» («Несколько слов о моей маме») приводятся неточно, по-видимому, по памяти. Ср.:

У меня есть мама на васильковых обоях.
А я гуляю в пестрых павах,
вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.

(Владимир М а я к о в с к и й, Полное собрание сочинений в тринадцати томах, т. II, Гослитиздат, М., 1955, стр. 47.
Прим. ред.).

⁴ Четверостишие, вероятно, приводится также по памяти. Ср.:

Жил-был поп,
Толоконный лоб,
Пошел поп по базару
Посмотреть себе кой-какого товару.

(П у ш к и н, Полное собрание сочинений, т. III, ч. I, стр. 497. Прим. ред.).